

Идеи глобализации и мультикультурализма в современной России

В самом общем виде глобализация — процесс интеграции разных культур в мировое сообщество, следствием которого является формирование новой цивилизации «планетарного» типа. Этот процесс характеризуется интеграционными связями в глобальных масштабах, в результате которых возрастают тенденции образования сверх-масштабных форм сообщества: мега-общества, супер-этноса, мега-культуры и т.д.

Глобализация формирует новое мировое сообщество, в котором будут действовать общие структуры — экономические, финансовые, политические, управленческие, контролирующие основные аспекты существования этого сообщества: начиная от ресурсов, финансовых и экономических потоков и кончая вопросами народонаселения и экологии.

В результате применения инновационных технологий, преимущественно компьютерных, глобализация меняет характер социально-экономических систем, национальных государств, которые перестают быть автохтонными (самозамкнутыми) закрытыми системами. При этом изменение информационных сетей осуществляется по определенным направлениям коммуникационной социокультурной интеграции, смысл которой состоит в том, что отсутствует ориентация на каждую страну, каждую нацию, и тем более каждую личность, т. е. речь идет о надличностном, наднациональном образовании. И на это хотелось бы обратить особое внимание, так как нередко глобализация понимается как интеграция каждой нации и даже каждой личности в крупномасштабные сетевые коммуникационные связи. Но не таковы цели глобализации как процесса безнационального, безличностного. И эта универсальность как раз и является характерной социокультурной чертой глобализационных процессов. Поэтому глобализацию разных стран в мировое сообщество и возможность контроля над ним не следует отождествлять с глобальным же контролем за поведением каждой личности.

Это новый тип социокультурных преобразований, которые Джон Несбит¹ обозначил как масштабную трансформацию социокультурных взаимодействий «от иерархии» к «сетям», от выбора «или—или», к выбору «и—и», формирование

¹ Несбит Д. Мегатренды. [Пер. с англ. М.Б. Левина].— М.: АСТ, 2003.

целенаправленно конструируемых мегатрендов открывает возможности контроля над многообразием социокультурных связей и отношений.

В этом общем наброске картины глобализации необходимо выделить три ее основания, которые обычно отмечаются во всех ее определениях:

- *экономический базис* — экспансия капитализма в XX веке и его трансформация в интегрированную глобальную экономику, породила транснациональные корпорации (ТНК), на которых и основывается сегодня мировая экономика;
- *организация управления глобальными процессами* — формирование международной транснациональной элиты менеджеров, а также компрадорских групп в отдельных странах, которые служат интересам транснациональных корпораций;
- *социокультурная глобализация*, которая осуществляется преимущественно на базе консюмеризма — стратегий потребительства. Формирование таких стратегий связано со стремлением универсализировать потребительское поведение в локальных культурах. Соответствующие паттерны распространяются через маркетинговую деятельность ТНК, а также средства массовой коммуникации.

Эти основания находят выражение в неоднозначных и противоречивых социокультурных процессах, которые необходимо тщательно изучать и, конечно же, избегать категоричных суждений. Сегодня при обсуждении социокультурного аспекта глобализации преобладает остро дискуссионная тональность, которая свидетельствует о том, что соответствующие вопросы изучены недостаточно.

Дискуссии на тему глобализации проблематизируют прежде всего саму возможность интеграции в планетарных суперсоциумах по разным причинам: неравномерность экономического развития разных стран и регионов, общекультурные и политические различия, устойчивость и кажущаяся непреодолимость которых отрицают саму возможность интеграции вне национальной идентичности. Иначе говоря, источник всех дискуссий заключается в том, что в качестве неперемennого условия глобализации предполагается разработка единой социокультурной парадигмы, которая необходима для взаимодействия традиционных и техногенных структур и которая неизбежно ведет к разрушению генотипа каждой отдельной нации и ее культуры.

Социокультурный контекст глобализации, таким образом, сводится к формированию информационного поля массовой культуры, процессам нарастания объема «универсальных» элементов культуры. Последние по мере количественного роста

приходят в столкновение, и, соответственно, возникают конфликты с «особенным» — национально-культурными приоритетами и ценностями. В результате фиксируются лишь последствия социокультурной глобализации — напряженность между разными уровнями культуры в сферах социокультурных взаимодействий, связанных с международными связями и отношениями. В то же время не анализируются структурные единицы социокультурной глобализации и пути трансформации локальных паттернов каждой культуры, втянутой в интеграционные процессы. Ведь никто не может отрицать того очевидного факта, что будучи вовлеченными в такие процессы, локальные культуры становятся как бы «неравноценными», и социокультурные паттерны более высоких уровней неизбежно перетекают в страны менее развитые, т. е. локальные паттерны выстраиваются по образцу глобальных.

Таким образом, происходит переструктурирование международных социокультурных взаимодействий в новые стратификационные уровни: более высокие стандарты мировой цивилизации изменяют сложившиеся механизмы социокультурной адаптации во всех странах.

Следует пояснить, что можно считать «высоким» уровнем глобальных стандартов. Выше было сказано, что это, в сущности, стратегии современного потребительства, которые навязываются через массовую культуру. Но при этом поддерживается видимость «свободы». Можно одним нажатием кнопки убрать какую-то радио- или теле-программу, кажущуюся тенденциозной, и переключиться на другую. Но вот здесь и начинаются главные трудности: это проблема выбора. Если нет сложившихся устойчивых систем культурных ценностей и приоритетов для индивидуально-личностного самоопределения, то начинают преобладать усредненные стереотипы массовой культуры. В этой ситуации возникает вопрос: что означает стремление сохранить свою самобытность, индивидуальность и отстоять ее в потоке массовой культуры?

Ответ на этот вопрос актуализирует проблему культурного населения, поскольку именно оно составляет фонд самобытной культуры.

Между тем последствия глобализации в аспекте влияния на развитие отдельных национальных культур мало изучены. Наиболее распространенной, как уже говорилось, является точка зрения, что в результате процессов глобализации, как интеграции национальных культур в мировое сообщество, формируется единая социокультурная парадигма, олицетворяемая массовой культурой. Эта парадигма нивелирует особенности многоликих национальных культур, ведет к утрате их самобытности и «усреднению» культурных ценностей, приведению их к неким общим социокультурным стандартам. В

такой трактовке процессы глобализации оказываются альтернативными культурной самобытности.

В качестве примера такой концепции альтернативности можно привести книгу директора Библиотеки Конгресса США Дж. Х. Биллингтона «Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре»².

Доктор Биллингтон уверен в том, что Россия может интегрироваться в европейскую цивилизацию лишь одним способом: она должна стать своеобразным «подобием» США или вернуться к авторитарной изоляционистской модели. Тем самым автор противопоставляет изоляционизм и интеграцию, понимаемую как утрату российской культурой своей самобытности, по-видимому, во имя конвергенции с США и Западной Европой.

Такая альтернатива, скорее всего, ошибочна, поскольку процессы культурной интеграции не являются всеохватными, непрерывными и линейными, а в мировом масштабе сохраняется принцип иерархичности. Соответственно у каждой страны остается достаточно широкий спектр возможностей для выбора своей идентичности.

Между тем распространение таких однозначно альтернативистских концепций приводит к тому, что расширяется антиглобалистское движение, которое во многих странах приобретает национально-патриотическую окраску.

Для подтверждения приведенных выше аргументов о соотношении глобализации и культурной самобытности интересно сопоставить мнения различных субъектов глобализационных процессов, стоящих на разных, зачастую противоположных, позициях. Например, принять во внимание Социальную концепцию Русской Православной Церкви, где есть глава, посвященная глобализации. Первое, что обращает внимание в этом документе — это указание на «масштабность» интеграционных процессов, которую россиянам нужно принять как данность и в то же время обеспечить себе в этих условиях право свободного выбора.

И здесь возникает вопрос о культурном наследии, составляющем основу культурной самобытности народа и источник критериев такого выбора. ВРЕЗКА 1. Проблематизация социокультурной динамики в сфере наследия в контексте глобализации предполагает анализ современного кризиса культуры. Его можно охарактеризовать как релятивизацию норм и ценностей вплоть до размывания критериев выбора и оценок в разных областях культуры — праве, этике, эстетике, философии, искусстве, повседневной

² Биллингтон Дж. Х. Лики России: Страдание, надежда и созидание в русской культуре. Пер. с англ. О. А. Алякринского. — М.: Логос, 2001.

нравственности. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 1. Наверное именно поэтому Э. Гидденс³ определил культуру постмодерна как «культуру риска». Источник и формы рисков обусловлены онтологическими деконструкциями, которые создают культурную неопределенность, наиболее отчетливо проявляющуюся в мозаичности, бессистемности образцов массовой культуры.

«Угрозы и риски», связанные с положением культурного наследия в трансформирующемся обществе, заключаются прежде всего в том, что расшатываются традиционные классические образцы, традиционные нормы, институты, образующие культурный фонд каждого народа. Изменяются содержание, значение, способ передачи культурных ценностей прошлого. Они становятся зачастую неэффективными вследствие фрагментарности их осознания и утраты умения пользоваться ими в контексте актуальности реальности.

В этой связи возникают вопросы: в чем роль ценностей прошлого в современной культуре? В чем их социальная значимость сегодня? Деконструкция единой картины мира и фрагментированное сознание создают возможность выбора из множества субкультур и способов построения разных ценностных конфигураций. С этой точки зрения необходимо обоснование критериев выделения разных образцов в качестве объектов культурного наследия и их ключевых функций в формировании современного культурного пространства. Именно этот фактор порождает механизмы социокультурной самоидентификации членов определенного общества. Сегодня индивид идентифицирует себя не в жестком статусно-ролевом дискурсе, а скорее в «игровом шоу», где маски и личности бесконечно меняются, и любые попытки выделить «базовую» или «модальную» личность расцениваются как безусловный консерватизм и ограниченность в отношении новых культурных реалий деконструированной картины мира, свободы, и множественности различных ролевых проявлений. Игровые детерминанты превалируют, размывая последние остатки классических ценностных социокультурных ориентаций. Они разрушаются и перекомпонуются с необыкновенной быстротой. Утрата критериев добра и зла, прекрасного и безобразного, стирание границ между истиной и ложью приводит к «гиперплюрализму», равнозначности всех культурных проявлений.

ВРЕЗКА 2. Отсутствие онтологических начал для построения современной картины мира обуславливает разрушение, прежде всего, сакрализованных сфер культурного наследия и традиционных ценностей. Вследствие этого социокультурное пространство

³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004

рассыпается на конфигурации, гетерогенность которых затрудняет установление культурных, субкультурных, личностных идентичностей. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 2. Онтологичность замещается субъективностью, что мешает формированию нового набора общепринятых ценностей и норм и усиливает тенденцию к мультипликации ценностно-смысловых композиций.

Все сказанное позволяет ставить вопрос о необходимости разработки теоретической концепции «Угрозы и риски культурного наследия», которая включила бы в себя следующие позиции:

- построение морфологической модели ценностей культурного наследия в трансформирующемся обществе с использованием рефлексии к основаниям предпочтений представителей различных социокультурных групп;
- выявление оснований предпочтений выбора ценностей прошлого и их роль в современной культуре;
- пересмотр методов исторического познания: отказ от незыблемых доктрин, утверждающих непрерывность «цепи бытия», незыблемость «законов истории», от молчаливого признания всех предложенных иерархий исторического развития; обращение к проблемно-ориентированному познанию прошлого;
- осмысление ценностей прошлого в контексте современных социокультурных взаимодействий и коммуникаций, а не их реконструкция во имя истории как таковой;
- дифференциация ценностей прошлого в трансформирующемся обществе в соответствии с новыми конфигурациями социокультурных взаимодействий;
- замещение универсальной картины мира набором точек зрения на культурные ценности прошлого в соответствии с их ролью и функциями в настоящем;
- признание плюрализма ценностей прошлого в контексте современных социокультурных взаимодействий и массовых коммуникаций;
- определение возможных угроз и рисков такой плюральности: взаимоуничтожение или примирение?

Множество ориентаций, соответствующих ценностным приоритетам различных социокультурных групп, воспроизводит те или иные фрагменты прошлого в той мере, в какой они позволяют людям адаптироваться в современной сложной и динамичной социокультурной среде. Соответственно трансляция социокультурного опыта от старших поколений к младшим перестает осуществляться в форме нарративно последовательной и

упорядоченной передачи устоявшегося набора образцов высокой культуры. Сегодня в этой области доминируют постмодернистская парадигма, которая допускает смещение разных культурных контекстов, стилей, создание новых ценностных конструкций из артефактов разных уровней сложности и функционального назначения. И эти процессы интерпретируются как плюрализация шкал культурных ценностей, выравнивание элементов высокой и массовой культуры.

Актуализация конкретных фрагментов наследия сегодня не может осуществляться в форме последовательной передачи единой для всех членов общества модели традиционных ценностей. Все более заметной становится тенденция избирательности в отношении преемственности тех частей наследия, которые так или иначе значимы для определенных социокультурных групп. Происходит отбор таких элементов исторического опыта, которые позволяют адекватно адаптироваться в современном мире.

Между тем анализ политических дискурсов 1990-х гг., а также методология построения сценарных моделей культурной политики, показывает, что к числу приоритетных социальнозначимых тем культурного наследия и традиционных ценностей не относилась. Более того, поскольку культурная государственная политика формировалась в контексте глобализации в той трактовке, которая была представлена выше, культурное наследие исключалось из этой сферы как рудимент тоталитарного общества.

В итоге сценарии и проекты культурной политики оказывались зачастую оторванными от социального контекста, и вместо программ социокультурной адаптации членов общества в меняющихся условиях на базе динамики культурного опыта предлагались абстрактные глобалистски ориентированные модели.

Сторонники традиционалистской ориентации, выдвинувшие в качестве идеологии обращенность к культурным ценностям прошлого, предлагали не менее абстрактные модели националистического толка. В том и другом случае говорилось о культурном наследии: в одном — с негативной, а во втором — с позитивной оценкой. Однако сторонники разных позиций сходились в том, что культурное наследие это «целостный» объект, абсолютный и единый для всех членов сложного и многонационального российского общества. Более того, и политические деятели, и большинство представителей гуманитарной и социально-научной областей обходили молчанием вопрос о том, каково содержание понятия «культурное наследие» в контексте глобализации. Соответственно, в политических и научных дискуссиях как отвергающих, так и защищающих значимость культурного наследия для динамики современного российского

общества в геополитическом пространстве, это ключевое понятие оставалось неопределенным.

Таким образом, сегодня становится очевидной необходимость фиксации основных тенденций трансформирующегося российского общества и разработки соответствующих моделей преемственности, передачи и использования культурного наследия в условиях глобализации.

Осуществим ли проект мультикультурализма в России?

ВРЕЗКА 3. Трансформирующееся общество актуализирует проблему взаимодействия культур. По мнению культурологов и политологов сегодня российское общество нуждается в полистилистической модели культуры, которая могла бы адаптировать друг к другу весь спектр многообразных культурных форм. Это обеспечит взаимопонимание, толерантность между народами и поможет избежать конфликтов на этнической или религиозной почве. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ 3.**

При разработке такой сложной многосоставной модели необходимо учитывать:

- закономерности культурогенеза — формирования и развития культур,
- самобытность и традиции каждой из них,
- закономерности диалога культур.

Для решения этой задачи необходим анализ «культурного пограничья» — возможностей коммуникаций на границах разных культур.

Как определить эти границы взаимодействия сегодня? Еще в XIX веке в теориях О. Шпенглера и Н. Данилевского были разработаны модели культурно-исторических типов в качестве образцов замкнутых самодостаточных культур, которые, пройдя ряд последовательных фаз в своем развитии, бесследно исчезали, уступая свое место образованию других, которые ничего не воспринимали от культур ушедших. В этой последовательности случайным образом сменяющих друг друга культур не существовало проблем взаимодействия, так как не предполагалось наличия развитой системы синхронных связей. И культурные циклы могли быть прослежены лишь во времени, а не в пространстве.

Следствием такого рода автономности сосуществования культур могло быть только то, на которое и указывал Данилевский: влияние одной цивилизации на другую осуществлялось лишь в форме «поглощения» последней.

Понимание культурной автономии как практически полной «самозамкнутости» или неограниченной ассимиляции сегодня «вброшено» в нашу социальную жизнь на уровне государственной этнокультурной политики под названием «мультикультурализм». Но

подразумевается ли при этом смысл полистилистики в пространстве социокультурных взаимодействий, обозначаемом понятием мультикультурализма? Кажется, что нет, и прежде всего потому, что статусные различия культур, их стратификация по признакам сложности организационных форм, развитости сфер образования, просвещения и т. д. оставляется без внимания. Соответственно невозможно определить, при каких условиях каждая из них может вписаться в социокультурный контекст предполагаемых отношений. «Учредить» равенство культур каким-либо законом, не учитывая традиций, особенностей строения каждой из них, невозможно. В этом случае отношения между культурами ограничиваются только уровнем поверхностных контактов «культурных периферий», что недостаточно для утверждения их равноправия. А неминуемое прикосновение участников взаимодействия к культурным «ядрам» друг друга в условиях нестабильности связано с их взаимной агрессивной реакцией и рефлексом фундаментализма.

Каков будет результат подобных отношений, зависит от обстоятельств. Поглощение одной культуры другой обычно происходит в условиях несопоставимости по силе их адаптационного потенциала, а взаимную адаптацию на границах можно ожидать в случае их относительной равнозначности. Итак, ассимиляция или конвергенция — вот основной вопрос, на который должен ответить проект мультикультурализма в России. Пока что все процессы осуществляются стихийно и только на уровне обозначения этнокультурных различий. Между тем взаимная адаптация невозможна лишь на этнокультурной периферии без расширения ментального контекста. А это, безусловно, требует модели диалога культур, которая предполагает разработку темы пограничной зоны между культурами, находящимися в общем социокультурном пространстве. Такие разработки включают в себя выявление механизма и способов взаимной адаптации, в ходе которой возрастает взаимная приемлемость культур путем изменения каких-то элементов каждой из них, утрату базовых частей культурного ядра — основных ценностей, в результате чего одна культура поглощается другой.

Определенный опыт межкультурной адаптации был накоплен в советский период. Он вошел в историю под названием «общенародного государства». Сегодня этот опыт прочно забыт как идеологизированная мифологема советского общества, однако проблема осталась. И опять все следует начинать сначала. Но даже прошлый опыт показал, что зачастую в истории неассимилированными остаются те культуры, которые называют «традиционными», т. е. основанные на глубоких культурных традициях и прежде всего имеющие «сакральное ядро» как систему базовых священных ценностей, вокруг которых объединялось сообщество, последовательно трансформируясь в этнос, нацию, народ.

Характерно, что авторитарное управление всегда тщательно охраняло базовые ценности культуры, ее сакральные смыслы. «Разве не удивительно, — пишет современный православный историк И. Экономцев, — что Петр, насаждавший в России западные обычаи, вводит смертную казнь за соращение православных в иную веру»⁴. И это было записано в постановлении Синода, т. е. институциональной структуры XVIII века, когда государство еще не имело своей национальной идеологии, только начинавшей формироваться в секуляризованной культуре в трудах Татищева, Карамзина, Ломоносова. Тем не менее защита базовых сакральных ценностей считалась делом государственной важности и была зафиксирована в институциональной форме.

Государство исторической России стояло на страже ее национальных устоев. Другое дело, что культивируемый национально-религиозный идеал уже в эпоху Петра вступал в противоречие с «имперской идеей».

В XXI веке российское государство, ослабившее связь с тоталитарной идеологией, отказалось и от многих своих регулятивных функций. В частности, оно сбросило в стихию рыночных отношений те части культурной политики, которые, безусловно, обязано было оставить в собственном ведении. Это относится в первую очередь к национальной культурной политике.

ВРЕЗКА 4. Понятие мультикультурализма заимствовано в середине 1990-х гг. из западного интеллектуального и социокультурного словаря наряду с разного рода другими постмодернистскими идеологемами и противопоставалось идее глобализации. Это был почти административный акт сигнификации, обозначавший новые национально-культурные взаимодействия в либеральной России, которые должны сами собой, спонтанно произрасти на почве рыночной экономики. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 4.

Поскольку не был разработан вразумительный проект мультикультурализма или его программа, он, как и все другие заимствования, не прижился в России. Толерантная коммуникативность как суть мультикультурализма, воспринимается как-то карикатурно и однобоко по отношению к России с ее многовековой традицией взаимной ассимиляции культур. В русской православной традиции «нет ни эллина, ни иудея». Между тем именно эти основы русской традиционной культуры придают призрачный невещественный характер такой «толерантности», никак не выраженной в правовом, социокультурном поле, и обуславливают непризнание мультикультурализма на русской почве.

⁴ Экономцев И.Н. Православие. Византия. Россия. Сб. ст. Игумен Иоанн Экономцев. — М.: Христиан. лит., 1992.

Некоторые идеологи приходят к заключению, что мультикультурализм оказался в глубоком противоречии с «державно-национальной легендой власти»⁵. За этим выводом скрывается стремление представить национально-культурное пространство России как полигон для экспериментов по выживанию автономных национально-культурных подсистем. Это можно понять и как идеологию фрагментации посттоталитарного пространства страны. Конечно, любая титульная нация будет противостоять подобным тенденциям, как бы неуклюже это не называлось — централизацией, державностью, или укреплением вертикали власти. Мультикультурализм предполагает реализацию специальных программ социального культурного развития, сохранения и использования ценностей прошлого. Для этого необходимо признание правомерности равноправного сосуществования разных культур, в противном случае следует ожидать атомизации общества, сознательного размывания сложившихся традиционных общностей в расчете на массивную экспансию западных партнеров, которые как бы автоматически придадут нормативность стихийным процессам сосуществования различных культур в общем государственном пространстве.

Поэтому нельзя представлять отторжение модели мультикультурализма в России упрощенно как «сознательный консерватизм русской народности», слепую веру в «державно-национальный миф», списывая тем самым бездеятельность и некомпетентность государственной национально-культурной политики на историческую инертность. За восемьдесят лет советской власти такие слова, как «державность», «народность», были преданы забвению, и сегодня их только начинают вспоминать в патриотических кругах. Но это вновь происходит в сфере идеологии, а не в конкретной практике национально-культурной жизни, которая сплошь полна конфликтов и противоречий, неразрешимых в логике великодержавности. Наиболее острым из них стало противоречие между сложившимися традициями русской культуры и культурными ценностями многочисленных мигрантов.

Некоторые социологи говорят о «неоконсерватизме» как новом механизме целенаправленного сохранения/возрождения традиционных представлений в базовых сферах социокультурной жизни — политической, правовой, мировоззренческой. Его считают проявлением ностальгии, ставшей результатом прошедших социокультурных перемен.

⁵ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. — 2002. — № 3 (4).

Люди, не нашедшие своего места в новой структуре социокультурных взаимодействий, обращаются к прошлому, идеализируют его. В такой интерпретации неоконсерватизм предполагает идеализацию прошлого, которому отданы приоритеты по сравнению с будущим.

Частичка «нео», прибавленная к уже стершемуся клише «консерватизм», на самом деле ничего эвристического не добавляет. И не только не раскрывает суть истинных механизмов традиции в сохранении культурного наследия, но зачастую маскирует их. Традиция, как известно, не идеализация старины, а необходимый механизм трансляции социокультурного опыта, передача элементов культуры прошлого от поколения к поколению. Традицию следует рассматривать в контексте этих связей как межпоколенные коммуникации по поводу объектов культурного наследования. И если традиционные ценности — это геном общества, социальный потенциал его воспроизводства, то никакие самые радикальные реформы не могут элиминировать или быстро трансформировать сложившиеся паттерны культуры, отбросить те культурные накопления, которые предшествовали этим реформам.

Соответственно, говоря о мультикультурализме, нужно улавливать соотношение потенциального и реального в каждой культуре, или, как говорят культурные антропологи, — синхронных и диахронных связей, существующих здесь между образцами, традициями и инновациями. В зависимости от того, с какой скоростью, в каком ритме осуществляются реформы, какой состав социокультурных областей он охватывает, с такой степенью синхронности изменяется соотношение потенциальной и актуальной областей в каждой из культур. И здесь нельзя законодательно или волевым решением установить для них «границы», от которых нужно отсчитывать «новую жизнь». Поэтому, сколько угодно можно обличать «неосмысленный» народ в традиционализме, или неотрадиционализме. Но от этого культурные трансформации не ускорятся. Кстати сказать, традиционализм — либеральное клише для культур, имеющих тысячелетнюю традицию, — выражает в политическом дискурсе представления о будущем, построенные на стандартах прошлого. Из следования традиции часто делают идеологический ярлык для обвинения тех, кто пытается сохранить элементы культуры по программе «как было», т. е. воспроизводить такие образцы традиционной культуры, которые не совпадают с реформаторскими намерениями.

ВРЕЗКА 5. Традиционалистические представления и наиболее значимые образцы культурного наследия каждого народа в многонациональном обществе актуализируются именно в период острых социальных катаклизмов, трансформаций, нестабильности стратификационных контрастов, когда старые институциональные связи разрушаются,

утрачиваются культурные идентичности, а новые еще не образовались. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 5. И именно кризис национально-культурной идентичности вызывает актуализацию культурного наследия, связей с культурой прошлого своего народа, которые реабилитируют его автономность, позволяют ему выжить в новой не обустроенной ситуации межнациональных отношений, адаптируя его в этой ситуации. Поэтому идеализация ценностей прошлого и традиций как способа их наследования — это не идеологическая пропаганда коммунистов, националистов и других консерваторов, а механизм поддержания национально-культурной общности народов, не нашедших себя в новой социокультурной ситуации. Именно неопределенность и неустойчивость их места в современной России вызывает действие «механизмов репродукции» националистических идеалов.

За годы реформ в российском обществе так и не возникло собственных стандартов и образцов, качественно новых социокультурных институтов предпринимательского, социокультурного, этнокультурного, политического характера, которые соответствовали бы требованиям конкретной жизненной среды как «освоенного» окружения. Соответствующие образцы заимствованы из арсенала западной институциональной культуры и искусственно насаждаются в России теми политиками, которые не соотносятся с традициями и российским опытом.

В качестве примера особенно убедительно заимствование так называемых PR-технологий, которые на русской почве возникли из представлений о том, что экономику и политику можно изменить путем пропаганды и рекламы. Или же сведение экономики только к монетаризму, пренебрегая тем, что она часть культуры, тип хозяйственной деятельности, куда входят и способы жизнеобеспечения, формы коллективного труда, вопросы институализации человеческих отношений. Когда же учитываются только расходы, инвестиции — экономика теряет социальный смысл.

Любая реформа в экономике предполагает прежде всего изменение социокультурных взаимодействий между людьми, которые выполняют определенные функции. Поэтому ее институализационные организации нельзя рассматривать только в экономических нормативах. Уже Н.Д. Кондратьев ввел понятие «конъюнктура», которое означает динамику спроса и предложения, обусловленную более широким спектром социокультурных факторов, чем только внутривозрастные.

Таким образом, для достижения эффективности экономических преобразований в разных культурах необходимо базировать их на социокультурных образцах, специфичных для каждой из них.

В контексте маркетинговых стратегий или PR-технологий институциональные изменения нельзя рассматривать с точки зрения лишь общих принципов их организации. Следует принимать во внимание внутренние механизмы поддержания социальной структуры в рамках разных культур, те институциональные паттерны, которые направлены на самовоспроизводство каждой из них.

Любая институциональная структура (организация) рассматривается не «сама по себе», а как часть социокультурной среды. Такая структура не остается неизменной, как и среда, в которой она существует. Поэтому при осуществлении реформ особенно актуальной становится тема мониторинга, как механизма отслеживания динамики ее взаимодействия с наиболее значимыми в этом отношении элементами среды. Если среда культурно специфична, то целесообразно отслеживать, какие из традиционно сложившихся связей эффективны, и что можно изменить в их контексте, чтобы повысить эффективность институциональной структуры, не разрушая ее полностью.

Разработка социокультурных принципов реконструирования такого рода институций в контексте трансформирующегося общества обусловила обращение к специализированной сфере деятельности, которая как профессия появилась в 1930-е годы, и получила название «публик рилейшинз» (вольный перевод на русский язык — «связи с общественностью»). Деятельность такого рода направлена на достижение максимальной эффективности любой институциональной структуры в разных социокультурных условиях за счет наполнения функционально-организационной деятельности культурным содержанием партнерских отношений.

Публичность понимается как социальная открытость, и ее актуальность сегодня заключается именно в акценте на формах коммуникации с широкой общественностью, так как в дореформенный период институциональные связи рассматривались лишь как государственное воздействие. Теперь разрабатываются связи с равноправными субъектами деятельности, т. е. речь идет уже о партнерских отношениях, в том числе национально-культурных институциональных структурах с институтами федерального уровня.

Каждая из таких единиц «действует» и принимает на себя «действие», создавая тем самым «поле взаимодействий»⁶.] Таким образом создается контекст межорганизационных и межкультурных связей, и проблема заключается в том, чтобы выстроить стратегию упорядочивания взаимодействий в этом поле.

⁶ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. — М., 1994.

В России использование PR-технологий представлено на низком уровне, и коммуникации понимаются лишь как пропаганда, ориентированная на выборы или лоббирование клановых и олигархических интересов. Эти технологии применяются в политической сфере для рекламы кандидатов в предвыборных компаниях как средство манипулирования общественным мнением и поведением, а не как повседневная практическая работа по упорядочиванию взаимодействий различных институтов между собой и их окружением, в том числе в межкультурном контексте. Поэтому новые PR-технологии отторгаются обществом, как и целый ряд других заимствований, о которых говорилось ранее. А на обыденном уровне социокультурному хаосу противопоставляется идеализированная стабильность национально-культурного прошлого.

С точки зрения ряда политологов, обращение к прошлому — это результат пропаганды тех, кто стремится возродить имперскую идеологию и великодержавные символы, кто полагает, что стабилизация в обществе осуществима лишь на путях изоляционизма и антизападничества.

Безусловно, такая идеологическая трактовка социокультурной ситуации трансформирующегося общества способствует не столько разрешению назревших проблем, сколько возникновению непримиримых оппозиций.

Идеологи указывают на «ретро-ориентацию» массового сознания, когда 70% населения считает, что «у России свой собственный путь», который назван «традиционализирующей модернизацией». Они утверждают, что модернизация в России возможна лишь в традиционных символах, среди которых Великая Россия, военная мощь, соборность, духовность и пр., и что эти традиционные символы объединяют сегодня всех — патриотов, рыночников, либералов, консерваторов. И наоборот, реформаторство отторгается как «антинациональное», «антирусское» начинание, проводники которого способствуют «колонизации» России и разграблению ее богатств.

Совершенно очевидно, что идеологические клише вместо конструктивных действий не помогают вскрыть основные противоречия социокультурных трансформаций и изменить ситуацию. К тому же механизмы идеологической идентификации сегодня также существенно изменились и уже совершенно не те, что в традиционном обществе. В условиях отсутствия универсальной идеологии (а сегодня мы имеем фрагментарное идеологическое пространство) системы ценностных и символических координат различны. И отбор информации, ее структурирование осуществляется как выбор субъектом подходящей для него системы координат. Иными словами, нормативно-символическая система не существует в виде универсальной всеобъемлющей идеологии, но лишь как групповые ориентации.

Общесоциальная идеология сегодня перестала быть интегрирующим фактором дифференцированных общностей, в том числе национально-культурных. Ее место заняли локальные ценности и образцы массовой культуры в том контексте их понимания, о котором речь шла выше. Нужные элементы идеологии с помощью PR-технологий встраиваются во все информационные потоки.

Таким образом, на место программных технологий и лозунгов доперестроечного периода пришли сценарии, объединяющие в рыночных отношениях идеи глобализма и дифференциации, спроса и предложения и заместившие консолидирующие функции идеологов потребительскими моделями, трансляцией услуг, представляющей «продукт» в соответствующей техно-теле-медийных упаковке. Кроме того, благодаря технике мониторинга из простых трансляторов информации электронные СМИ превращаются в связующие структуры между обществом и властью, обеспечивающие последнюю сведениями, которые позволяют проектировать и распространять с помощью PR-технологий соответствующие модели общественных отношений.

Но для этого в обществе необходимо поддерживать резкую региональную социокультурную, этнокультурную сегментацию. Вот для чего российским политикам необходимы модифицированные идеи мультикультурализма. Они хотели бы манипулировать механизмами современной российской культурной идентификации. Этому мешают традиционные культурные ценности. Личностная «Я—концепция» национально-культурной идентичности вырабатывается в результате социализации, освоения человеком специфичной для его народа социокультурной среды: он соотносит себя с базовыми социокультурными ценностями — страной, государством, общностями, с которыми он взаимодействует, демократией, державностью, православием, самобытностью⁷.

Проблема культурной идентичности сегодня одна из самых дискуссионных. Разрабатываются многообразные проекты «национальной идентичности» на основе поисков «национальной идеи» для России. Существуют самые экзотичные модификации этих поисков, например, как идея «Русского проекта»⁸ с попытками ответить на вопросы: осуществим ли в России Русский проект? Можно ли термин «русский» освободить от этической нагрузки? Его автор делает вывод, что это невозможно, так как в дореволюционной России русская идентификация ассоциировалась с самодержавием и

⁷ Соловьёв А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. — 2001. — № 2.

⁸ Малахов В.. Осуществим ли в России русский проект? //Отечественные записки — 2002. — № 3 (4).

«лояльностью к империи» (!?). Поэтому, по его мнению, это понятие сегодня «нелигитимно» именно в силу того, что сопряжено с «этнической» нагрузкой. Далее автор приходит к выводу, что слово «русский» как этническая характеристика становится «опасным» для нерусских народностей, и следует вообще от него отказаться, заменив его понятием «россиянин».

Такого рода суждения сегодня очень распространены, и они, в сущности, отражают некомпетентность в сфере культурного национального наследия и незнание традиций русской культуры. Хорошо известно — и сам же автор признает, что в дореволюционной России понятие «русский» не имело этнической окраски, а соотносилось, прежде всего, с нормами православной веры. Как очень метко определил Н. Бердяев, «православный — значит русский, нерусский — неправославный». Так кто же тогда придал термину «русский» этническую окраску? Те самые авторы, которые не знают русской традиции и на этом незнании строят свои суждения. И такое понимание сегодня опасно, так как проводит резкую демаркацию русских с нерусскими, с которыми на самом деле могут быть достигнуты соглашения, связанные с общей историей.

Прикрывая эти убогие аргументы лозунгами либерализма, что не адекватно, они утверждают, что термин «русский» нужно нейтрализовать настолько, чтобы сделать его лишь понятием «гражданства России». Это совершенный экстремизм, так как бóльшая часть населения России «русскоговорящая» и причисляет себя к русской нации. Поэтому изъятие из паспорта графы о национальности вовсе не безобидная технологическая операция, и вполне понятно, что она была воспринята большинством населения резко отрицательно — как стремление властей лишить русский народ его тысячелетней национальной культуры и духовных традиций, ассимилировать, растворить его среди многонациональных меньшинств.

Насколько такой проект «мультикультурализма по-русски» удастся? Аргументы его сторонников таковы: даже США отказались от концепции «плавильного котла» в пользу понимания идеи этничности как совокупности автономных сегментов общества, получившей известное сравнение с «крупно нарезанным салатом». Между тем ссылка на опыт мультикультурализма в США не разглашает того факта, что многообразие культур в США, порождаемое миграцией, власти отнюдь не спешат легитимировать. Напротив, они проводят политику «позитивной дискриминации», т. е. устанавливают квоты для меньшинств, начиная от учебы в вузах и кончая представительством в каких-либо органах власти и управления, т. е. на самом деле, вместо плавильного котла получили «салатницу». В результате этнические и расовые меньшинства сегментировали общество и теперь «качают свои права». Хотят ли власти учредить в России такую модель

мультикультурализма? Похоже, что так, только методы иные: дискриминации установлены для русских, для самого крупного этноса России — русского народа, а название всех других национальностей, как раньше говорили, «меньшинств» и «малых народов» — оставлено. Государство—образующая нация оказывается как бы и вообще не существующей. Аргумент такой: «стоит ли ориентироваться на модель государственной монокультуры в условиях многокультурного общества?»⁹

Опыт европейских стран — Германии, Франции, Нидерландов и др. — также показал, что ассимиляция национальных меньшинств в единую нацию невозможна на основе технологий мультикультурализма. В Германии мигрантов так же, как, и у нас называют «гастробайтерами» — «гостями-рабочими», и власти не спешат легитимировать их права.

Абстрактные гуманитарные проекты мультикультурализма, по мнению цитируемого выше автора, приводят к разрастанию новообразований — диаспор, которые как раковые опухоли автономизируются от чуждой и непризнаваемой ими русской культуры, требуя своих прав — свободы совести, вероисповедания, выражения своих убеждений и не уважая традиции той культуры, в которую они инкорпорированы.

Возникает парадокс: идентичность русских игнорируется, идентичность же новообразованных культурных диаспор — декларируется. Сегодня создано огромное количество организаций, объединенных по религиозному, этническому признаку. Открываются этнические школы, функционирует этническая пресса. На государственном уровне разрабатываются программы этнологии, которые внедряются в образовательные программы.

Подводя итог размышлениям на тему, можно сделать вывод: отсутствие государственной культурной политики, учитывающей особенности многонационального государства с тысячелетними традициями, в том числе опыта взаимодействия культур, сводит поликультурность к полиэтничности, за вычетом этничности русской.

Модель мультикультурализма, насаждаемая сегодня в России, свелась к энтокультурализму, что ведет к сегментации общества, как уже это случилось в США, на автономные этнические группы, плохо понимающие друг друга и враждебные ко всем «иноверцам».

⁹ Там же.